

Исаак Борисович Будницкий Сара Самуиловна Будницкая (Польская)



С.Б. Мы познакомились, когда мне было 14 лет, а ему – 16. В седьмом классе это было, мы познакомились, и из нас вышла пара. Мы 72-ой год живем вместе! И когда его призвали в армию в 39-м году, у меня ребенку было 5 с половиной месяцев. А в 41-м началась война, он уже отслужил свою армию и должен был вернуться, но его оставили, и он демобилизовался только в 48-м году. С оккупационными войсками он уехал в Румынию и меня забрал к себе. Так вот, что я могу рассказать – он прошел всю войну, с первого до последнего дня. Получил награду за Сталинград. Ушел в армию солдатом, рядовым, а закончил офицером, капитаном, командиром отдельного батальона. Причем, занимал должность подполковника – был начальником отдельной автороты, которая обслуживала 17-ю воздушную армию.

И.Б. Прошел всю войну, мне присвоили награду. Я родился в 1918 году, в городе Василькове Львовской области, это западная Украина.

С.Б. В 13 лет он остался сиротой, переехал в Киев и стал работать учеником, подмастерьем, как это обычно бывает. Потом он вырос и стал начальником цеха. В армию призвали, когда ему был 21 год, пришел из армии в 26 лет. В армии служил в городе Станиславе и попал сразу на фронт, там они попали в окружение. Потом они прилепились к какой-то армии и все время следовали за ней до Сталинграда. Я знаю, что они освобождали Румынию, Болгарию, Австрию, Венгрию. В Берлине он не был. Они подвозили бомбы для авиации. Когда его призвали в армию, мне очень захотелось с ним встретиться, увидеть его, потому что его же как солдата не отпускали. И вот его родной старший брат жил во Львове. А я решила поехать во Львов, потому что Станислав недалеко, и это центр. И вот в день начала войны – накануне мы гуляли – в три часа ночи зазвонил телефон и брата моего мужа вызвали на работу. Сказали, что началась война и вызвали срочно. Он ушел, и по сей день мы не знаем, куда он делся, кто его убил, где его убили...

Я осталась там, с его женой. И вот когда мы пришли в бомбоубежище – нас же сразу начали бомбить - нас не пустили, потому что там в основном поляки, и они говорят: «Из-за вас, русских, нас убьют». И мы во время бомбежки туда забегаем, а потом сразу выбегаем на улицу. Почему? А вдруг

придет ее муж, мой зять, чтобы он нас увидел и помог. А мы, как вышли на улицу без денег, без всего, так мы и сидим. Ждем – ждем, никого нет.

Но когда мы выбегали, мы видели, что в этом доме жил какой-то военный, русский человек, и он возвращался домой за какими-то вещами и опять уезжал. И вот я увидела, что уже кончается день, зятя все нету, я подбежала к нему и схватила его за ноги, и стала трясти, плакать и говорить, что «если вы сейчас не заберете отсюда двух женщин и двух детей, то смерть этих детей будет на вашей совести». «У вас тоже есть ребенок!» Он меня спросил, откуда я? Я отвечаю: «Из Киева». «Ну, хорошо, я вас возьму прямо так, как вы стоите (без вещей), но с условием, что в Киеве вы приютите мою жену. Заберете ее к себе.» Я согласилась.

И вот мы сели без денег, без вещей, дети плачут, они голодные... Кто что откусит – для детей. И вот я, как сейчас помню, очень большая узловая станция, как она называлась ... Знаменка, кажется. Точно не помню... Я решила, что я пойду попрошу у людей кусочек хлеба... Ноги у меня опухшие, сама опухшая, потому что ехали мы долго, места нету. И я подошла к одной женщине, а она мне говорит: «Я вам дам, только отдайте мне свою кофточку». Она у меня была такая розовенькая с голубыми бантиками. Я сняла ее, отдала, и она мне дала буханку хлеба и стакан сметаны. И вот я с ребенком иду, счастливая, что у меня это есть, и хочу залезть на подножку вагона, а все польские вагоны были очень высокие. Ребенок на руках - не могу залезть. Так девочка стоит в окне, я ее попросила: «Подержи стакан сметаны, я войду и возьму у тебя». Но девочка взяла и уронила этот стакан! Я помню, я так плакала, как будто я потеряла что-то очень дорогое.

Приехали мы в Киев и я говорю его жене: «Пойдемте ко мне домой». А она мне: «Знаете что? Мы решили, что мы отставать от части не будем. Только дай твой адрес, я тебе потом напишу, когда мы устроимся». Но мы с ней уже не встретились, конечно. Потом была эвакуация, и я попала в село Широкий Буерак. Это в Саратовской области Вольского района. Я пошла в военкомат, сказала про мужа, и мне стали выплачивать 200 рублей по справке каждый месяц. С тем, что потом уже когда что-то другое выяснится, то обратно заберут. Но ничего не забрали. И вот так я там прожила и без родителей, и без него. Была такая станция Бугуруслан, куда писали и находили адреса всех эвакуированных. И я таким образом нашла родителей, и мы воссоединились и стали вместе жить. Я там работала при военкомате.

И вот я как-то дежурила, и пришел генерал Благоднравов, как сейчас помню его фамилию. И он нас спрашивает: «А вы откуда, девочки?». Мы говорим, что мы из Киева. «Так чего же вы здесь сидите – езжайте в Киев!» А мы говорим, что не можем – у нас документов никаких нет. Так он нам дал справку, что мы были эвакуированы из Киева туда-то, туда-то и едем обратно, по месту жительства. И вот с этой справкой мы поехали в Киев. Как мы туда ехали – трудно передать! Приехали мы 6-го мая 1944 года. По случайности, я встретила близкого знакомого, и он помог устроиться бухгалтером при жилищной части Киевского гарнизона. Потом получила свою квартиру. И работала, пока с ним случайно не встретилась через знакомых. Мне сказали, что он жив и находится там-то, я написала письмо генералу Толбухину, что я вернулась и живу там-то, что не могу квартиру получить и другие проблемы. И он потом нашел меня по адресу и забрал меня в Румынию. Я тут как раз после тифа, потому что тифом я тогда болела. После войны это было.

А детства у него не было, почему что он очень рано стал работать, у него папы не было, знаете? А у меня детство было обычное. Закончила 10 классов - я еще в школе встретила его, когда в 7м классе была, вышла замуж. Учиться дальше не пошла, потому что уже вышла замуж и забеременела. Вот и все, а потом началась война. Вот вам детство какое было (смеется), собственно, и не было. А сейчас я смотрю на молодых, как они живут, и какие у них потребности, и как они себя ведут – я как будто бы человек из другого мира... Я не понимаю их. Их переживания от жизни, радости жизни. Мне покупали одну пару обуви, так пока у меня не порвется эта пара обуви, мне другой не покупали.

Я родилась и выросла в Украине. Я сейчас смотрю на то, что там сейчас. Я знала все радости и все неприятности. У нас был и голод, пускай он был искусственный, но был голод. И карточная система. Мы евреи. Мы, как евреи это хорошо чувствовали, что на работу не так быстро можно было устроиться, на хорошую специальность мы не могли. В институт наши дети с большим трудом могли поступить, потому что существовала «пятая графа» - национальность... До тридцати лет я не знала, что такое помада. Я в жизни не красилась и по сей день не крашусь. Может, поэтому я так и выгляжу...

И.Б. Я служил в армии в Станиславе – наш советский город. И вдруг объявили событие – война. А Сара Самуиловна была во Львове...

С.Б. Я вам сейчас расскажу, я была у него, дома была маленькая дочка, я уже собралась домой, и он отпросился меня проводить. Но ему дали

поручение – какие-то пакеты отвезти в военный округ. И его по дороге остановили и спросили: «А куда вы едете?» Он показал свое командировочное, что идет туда-то и туда-то. Они сказали ему, что началась война, и он обязан вернуться в свою часть. Сразу дали ему противогаз, дали ему гранаты, и он поехал туда. И вот так началась война.

И.Б. С самого начала наша авиационная часть осталась там. Стали отступать со Станислава и попали в окружение. Даже трудно вспомнить, что было.

С.Б. Они попали в окружение, стали отступать и пробились куда-то.

И.Б. Я был сопляком, я был мальчиком, у меня уже была девочка-дочка маленькая была. Меня вызвали в армию, я их оставил. Я начал войну солдатом и был довольно образованный парень. И дослужился до командира отдельного батальона. Служил в авиации, обслуживал их путем приобретения боеприпасов, бомб. Дослужился до командира отдельного батальона в этой части. Всю войну прошел. Мы, когда отступали, дошли до Сталинграда. Как Сталин говорил: «За Волгой у нас земли нет!» Уйти, оставить Волгу, оставить Сталинград – это потерять Советский Союз. И тут началось брожение – что делать? И оттуда у нас началось наступление. Оттуда мы начали воевать уже по-настоящему, подошли части из России, и пошла война по всем правилам. Со Сталинграда мы пошли отгонять немцев день за днем. Но это большая история.

Как я встретил Хрущева? Я ехал с воинской частью, а мимо машины «Бьюики». И останавливаются. Я выхожу – выходит Хрущев из первой машины, чтоб спросить как ехать, куда они там ехали. Меня спросил, я ему объяснил, рассказал.

Ушел простым солдатом, одно, другое звание получил. Страшно ли было? Какой страх, вот даже и не думали об этом. Какой страх, абсолютно никто не обращал внимания на это. Война была и все. Мы шли, как будто на свидание, как говорится. Молодой был еще, пацан. О врагах я знал только, что они немцы, что это враг наш, его надо бить. Мы их принимали за врагов.

С.Б. Это больше знают люди, у которых немцы на квартирах стояли, то есть были в оккупации и к ним были приставлены немцы на квартиры. Они рассказывали, что и среди них есть разные люди. Были люди, которые давали детям что-то поесть, которые понимали это. А есть звери. И в каждой нации это есть. Есть и хорошие люди...

И.Б. Я лично пережил очень многое до войны, после войны, во время войны. Я встречался и с немцами и со всеми, с кем хочешь, и с пленными... Дай бог, чтоб никогда не было этого.

С.Б. Дай бог, чтобы вы, ребята, ваши дети, ваши семьи никогда не знали, что такое война.

И.Б. У меня сейчас шесть правнуков, старшему правнуку двадцать.

С.Б. Я, например, чтоб ребенка поддержать, кровь сдавала, была донором. А этот паек я в рот не брала – я все для ребенка держала. Иду на работу, качаюсь, сил нет. Хорошо, что там, куда нас перевезли, хозяйка ко мне хорошо относилась, кормила меня, одевала. Я сразу устроилась работать в райздравотдел бухгалтером. Она мне давала одежду, там же морозы страшные, сугробы, а у меня же ничего нет. Давала свой полушубок, свои валенки. Потом вечером, у нее было много детей, все были на фронте, один только мальчишка (16лет) Санька был дома, и он меня приводил домой. И она меня всегда подкармливала. Всегда. А у нее все было, потому что у нее была прекрасная корова. А потом немцы стали летать над нами на Сталинград. До Поволжья долетали. А у нас не было транспорта никакого, к нам приходил речной пароход. Такой маленький. Этот пароход стал редко приходиться, без транспорта так мы там и жили. А ребенок в ясли ходил. Я утром ее заворачивала в одеяло и несла в ясли. Знаете, она была ребенок, но она так понимала эту обстановку, эту войну. Она никогда не говорила «я хочу» или «мне надо» Постарше она была, вот бывало куклу она хочет. А у меня куклы нет, я ей какую-то тряпку заверну и ей даю, она с ней играет. Куколка. И еще мне говорила: «Мама, правда, когда папа домой придет, у меня будет так же, как у девочек?» Так и жили...

У меня двоюродный брат, он попал в плен. Его в первый день войны взяли и под Киевом, он попал в плен, и, не знаю каким образом, попал на территорию Германии как пленный. И он там работал в инфекционной больнице, он носил детям передачи. Его освободила американская армия. И когда его освободили, они ему предложили: «Мы вас можем отправить в Америку или за границу, куда вы хотите». Он ответил, что хочет домой, в Союз, потому что у него там жена, родители, дети. И они его отправили. Его вызвали в органы и посадили на десять лет как изменника Родины. И он десять лет отсидел и там заработал туберкулез. Когда он там жил, он ни с кем не мог переписываться, ему никто ничего не присылал, потому что все боялись. Его мама, его сестра боялись, его жена боялась, его дети боялись. И потом, когда он после смерти Сталина пришел, что он там, пожил год или два, и умер. Все. Вот Советская власть довела. За то, что он попал в плен, а

что он мог сделать? Он не один попал в плен. И еще у меня был дядя родной. Он всю жизнь занимался... жил на селе и был начальником заготзерна, занимался заготовкой и хранением этого зерна. Ему тоже пришили контрреволюцию. Он как раз сумел выкрутиться, пришел домой. Пришивали ему «экономическую контрреволюцию», то есть мало заготовил. А он был ни в чем невиновен. И это тех, что я знаю, а было много, очень много людей, что я не знаю. Это мой дядя и мой двоюродный брат по матери, что умер, а его дочка сейчас живет в Америке.

Про врагов народа все знали, потому что пропаганда была большая, что нас окружают враги. Это троцкисты, это бухаринцы, это еще что-то такое вот. И все всё знали. Но мы верили! В то, что у нас очень хорошая страна, у нас прекрасный Сталин, который нас ведет и никогда не пустит «по миру», как говорят. Так было. Поэтому говорят о пропаганде – она все делает. Если у нас с детского сада - ребенок только начинал ходить - говорили, что Сталин хороший и стишки были: «Я сижу на вишенке, не могу накушаться, дядя Сталин говорит, маму надо слушаться!». Потом это про Брежнева говорили, потом про другого говорили. А какой у нас голодомор был! Я же ребенком была. Так у нас ничего не было. А потом появился коммерческий хлеб – (если обычный хлеб 7 копеек, то коммерческий стоил 27 копеек), это в 1933-34 году было. А какие очереди! Я помню, что вставали в очередь, в три часа ночи. Я уже не помню, буханку давали или кусочек. Это было в Киеве, это еще хорошо было, а не в городах люди вообще умирали от голода. Ты шел по улице, на улицах лежали мертвые люди. Не доходили. Приходили из деревни, из провинции. В городах еще что-то можно было найти...

Много мы повидали, но вместе с тем, мы всегда были веселыми, нам было всегда хорошо, мы никогда не завидовали никому. Мы очень дружили, я закончила 10 классов и уже была замужем. Мы целых пять лет каждый год встречались. Встречались всем классом, приходили в школу, садились за парты, вызывали своих учителей, кто мог прийти. И у нас был урок. Пять классов, все приезжали с разных сторон – не все жили после войны в Киеве. Многие погибли. Центр Киева в основном пострадал. Я работала в Жилищной части Киевского гарнизона, и мы очень часто ходили собирать камни. Как сейчас помню, были такие носилки оббитые, два человека впереди, два сзади. Накладывали в эти носилки камни, и мы их выносили.

Я встретила День Победы в Киеве, я его прекрасно помню. Я шла домой с работы, я работала в центре. Ничего я не знала, что уже День Победы. Я шла пешком и должна была пройти мимо оперного театра. И

смотрю, что очень много народу там стоит, а я же там каждый день хожу – там никого нет. И подхожу, спрашиваю: «А что тут?» Мне говорят, что будут объявлять про победу. Я подождала-подождала, ничего не говорят. Тогда я пошла домой. Сказала, что мне надо перекусить быстрее и опять бежать обратно к оперному театру. Пришла – опять ничего не говорят. Ну, я вернулась домой, уже легла спать и почти сплю, как вдруг слышу : «Победа! Победа!» и страшную стрельбу. Я как стояла, какой-то халатик на себя набросила, в тапочках вниз. Прибежала туда, а на улице люди целуются, обнимаются, поздравляют друг друга и так до утра. Я, когда была в эвакуации, у меня была подруга, тоже киевлянка. Она ко мне пришла и говорит: «А мой муж застал победу под Киевом. Он военный, придет со своими солуживцам, ты приходи и мы отпразднуем!» И я такая счастливая – День Победы! Пришла и вдруг слышу сводку, что на 3-м Украинском фронте продолжаются бои. А у меня муж на 3-м Украинском. Со мной началась такая истерика! Неужели же конец войны, а даже сегодня люди падают, значит и он может пасть! И я так запомнила этот день. И вот пока я не получила от него весточку, что он живой, я все волновалась.

Интервью подготовлено учениками и учителями

Русской школы Грамота.

г. Монреаль, 2015 г.

